

Погрузившись в невесёлые размышления, инспектор не заметил, как машина вдруг остановилась.

— Мы уже на месте, господин хороший! — весело сказал ему водитель.

Гэлбрайт оторвался от своих мрачных дум и посмотрел в окно. Снаружи простиралось заснеженное поле, которое шло аж до горизонта. Тут и там между сугробами торчали редкие деревца.

— Вы уверены, что мы прибыли по правильному адресу? — недоверчиво спросил таксиста полицейский.

— Думаете, я обманываю вас? — обиженно сказал водитель.

Инспектор решил не вступать с ним в пререкания и открыл дверь. Сильной метели не было, но редкие снежинки продолжали кружиться в воздухе. Было бы безумием выходить на улицу в такой лёгкой одежде, но Гэлбрайта, который пребывал в каком-то странном, отрешённом состоянии, это больше не волновало. Выйдя из машины, он сделал два шага вперед и вдохнул свежий воздух. Порыв холодного ветра взъерошил его волосы.

— Я сказал отвезти меня в институт! — крикнул он, оглядываясь по сторонам.

— А это что? Сарай?! — ответил таксист из окна.

После этих слов мужчина со всех сил надавил на педаль, и машина тут же тронулась с места, вскоре исчезнув вдаль. Дрожа от холода, инспектор оторвал взгляд от дороги и развернулся на каблуках. Его негодование было вызвано тем, что он-то ожидал увидеть типичное здание стереотипного института — то-есть огромное четырехэтажное строение с длинными рядами окон, с колоннадой у главного фасада и с загадочными латинскими надписями над главным входом. Но вместо этого инспектор увидел скромный одноэтажный дом. Хотя, честно говоря, назвать это «домом» было бы преувеличением. Сооружение гораздо больше походило на гараж для автомобилей, построенный из шлакоблоков, отделанных темно-синей штукатуркой.

Гэлбрайт присмотрелся повнимательнее. Здание имело форму параллелепипеда с четырьмя окнами по длинным сторонам. На самом конце этого здания размещалась двойная деревянная дверь с маленькими окошками из толстого жёлтого стекла. На этом, собственно, и заканчивались все архитектурные изыски — никаких указателей, надписей или табличек. С виду это действительно был обычный, ничем не примечательный гараж, или, как выразился в сердцах Гэлбрайт, сарай. Но инспектор решил не торопиться с выводами и подошёл вплотную ко входу в это здание. Как только он потянулся было к медной ручке, за стеклом дверей загорелся свет, а затем за ними что-то звякнуло и раздался тихий щелчок. Гэлбрайт немедленно отпустил ручку и слегка попятился — в следующий момент дверь медленно открылась.

На пороге стоял молодой человек в белом халате, наброшенном поверх чёрной рубашки. Полицейский поднял голову — у незнакомца был желтоватый оттенок кожи, маленькие тонкие губы и зачесанные назад чёрные волосы. Азиат, тут же понял инспектор. Незнакомец посмотрел на Гэлбрайта, и в его узеньких и раскосых глазах появился блеск вежливого любопытства. В первый момент у Гэлбрайта даже промелькнула мысль, что он уже где-то видел это лицо — может быть, в каком-то фильме, — но он тут же отогнал эту мысль.

— Добро пожаловать, — почтительно произнес азиат и слегка склонил голову.

Инспектор не мог не заметить, что у его собеседника были проблемы с произношением буквы «Л» — вместо неё у азиата получалось «Р», из-за чего это его «добро пожаловать» прозвучало почти как «добро пожаровать».

— Я рад, что вы почтири наш скромный институт своим визитом, — подобострастно произнес незнакомец с ужасным акцентом. — Входите, вас ждут.

Торжественность, которая чувствовалась в словах этого азиата, только подчёркивала атмосферу абсурда, окружавшую Гэлбрайта в тот момент. Переступив порог, инспектор последовал за своим проводником, не имея ни малейшего представления о том, куда тот его ведёт. Они прошли по узкому и короткому коридору, после чего оказались в комнате, похожей на раздевалку, стены которой были выкрашены в не особо презентабельный и, что уж тут говорить, унылый серый цвет. Гэлбрайту сразу бросилась в глаза лестница, ведущая вниз, расположенная прямо напротив входа в это помещение. Справа от неё располагалась дверь лифта, рядом с которой стояла металлическая вешалка для одежды, на которой висело несколько белых халатов — точно таких же, как тот, который был на встретившем его азиате.

За этой одеждой Гэлбрайт не сразу заметил стоящего поодаль мужчину, который также был в халате. Присмотревшись повнимательнее, инспектор узнал в нём того самого седовласого специалиста, который этим утром навел его в номере отеля «Стейт оф Сноу Лейк».

— Ого, так вот вы где! — раздался весёлый возглас этого мужчины.

Седовласый радостно помахал рукой, и полицейский увидел, как его лицо на мгновение расплылось в улыбке — казалось, что тот увидел старого друга, с которым не виделся много лет. Через секунду улыбка исчезла с лица мужчины и он перевёл взгляд на азиата, стоявшего рядом с инспектором, после чего подмигнул ему и слегка склонил голову в лёгком кивке. Азиат кивнул седовласому в ответ, после чего направился к лестнице. Гэлбрайт хотел было последовать за ним, но седовласый остановил его.

— Придержите коней, уважаемый, придержите коней, — сказал он, хлопнув в ладоши.

— Чем я могу быть полезен в этом месте? — спросил Гэлбрайт, с интересом глядя на специалиста.

— Мне хотелось бы сказать вам несколько слов, — собеседник, казалось, его не слышал. — Я уж боялся, что вы не придёте.

— Почему? — инспектор не понял, о чем говорил седовласый.

— Два месяца и восемь дней прошло с тех пор, как я вручил вам визитку, — ответил мужчина, подняв палец вверх.

Гэлбрайт был удивлён точностью, с которой его собеседник назвал время. Судя по всему, он никогда не жаловался на свою память. Кроме того, инспектор начал догадываться о том, что люди здесь действительно с нетерпением ждали его визита. Чем больше полицейский думал об этом, тем сильнее им овладевало смутное чувство тревоги. Чтобы отвлечься от него, Гэлбрайт решил сосредоточиться на предстоящем разговоре.

— Да, я не особо торопился, — уклончиво ответил он.

Не говорить же этому седовласому мужчине, что он на самом деле переместился во времени, сев в какое-то такси, — ибо это не только прозвучало бы глупо, но и могло навести учёного на

мысль, что у инспектора не всё в порядке с головой.

— Хорошо, — специалист остался доволен таким ответом, — а теперь накиньте это.

С этими словами он снял с вешалки один из белых халатов и протянул его Гэлбрайту.

— С чего это ещё? — спросил полицейский, недоверчиво вертя в руках этот предмет одежды.

— Из гигиенических соображений, — ответил седовласый мужчина.

— Ха, вы боитесь, что я занесу микробы в ваш сарай? — набрасывая халат на плечи, ухмыльнулся инспектор.

Специалист, казалось, был оскорблен подобным выражением своего гостя. Он дёрнулся всем телом и бросил на Гэлбрайта укоризненный взгляд.

— Я понимаю, что вас не очень впечатлил фасад нашего института, но не спешите с выводами!
— торопливо заговорил он.

— А где именно находится сам институт? — с любопытством спросил Гэлбрайт.

— Под землёй, — торжественно произнёс специалист.

Он указал рукой на лестницу, на верхних ступеньках которой в это время стоял, прислонившись к стене, тот самый азиат, который, собственно говоря, был первым, кого Гэлбрайт увидел в стенах этого странного места. Казалось, что азиат только и ждал знака седовласого, потому что он в ту же секунду отошёл от стены и, словно собираясь поклониться, слегка согнул свои колени, но в следующее мгновение тут же выпрямился и замер на месте.

— Макото-сан считает, что чем ближе черовек к ядру Земри, тем больше его разум открыт для всеренской мудрости, — при этих словах в глазах азиата вспыхнул безумный огонек.

— Что за чушь он несёт? — спросил Гэлбрайт седовласого мужчину.

— Простите великодушно молодого господина Манабу за то, что он слишком боготворит своего учителя, — смущенно сказал специалист

— Меня не волнуют отношения между учеником и его учителем, — несколько грубо заметил Гэлбрайт. — Объясните мне в двух словах, что здесь происходит?

— В пылу своих чувств Манабу упустил из виду тот факт, — начал седовласый мужчина, — что Монтези решил скрыть свои разработки от посторонних глаз.

— Монтези? Макото? Кто все эти люди? — инспектора уже начинал раздражать этот старик со своим азиатским дружкой.

— Пока мы будем спускаться, у нас с вами будет достаточно времени, чтобы ввести вас в курс дела, — специалист, казалось, не заметил недовольства инспектора.

После этих слов седовласый направился к лестнице, а его спутник-азиат — теперь выяснилось, что он был японцем — последовал вслед за ним. Гэлбрайт молча посмотрел им в спину и решил направиться к лифту.

— Нет-нет-нет, — крикнул ему седовласый, — попрошу вас следовать за нами!

— Но почему бы нам просто не воспользоваться лифтом? — спросил Гэлбрайт, всё же убирая руку с кнопки вызова.

— К вашему сведению, наш институт расположен на такой большой глубине, — начал специалист тоном музейного искусствоведа, — что во время поездки на лифте ваш мозг рискует не справиться с быстрой сменой давления.

— Ну и в чём тут дело? — на инспектора это заумное оправдание не произвело ровно никакого впечатления.

— Да в том, что вы, мой уважаемый и нетерпеливый друг, просто потеряете сознание прямо в его кабине, — с явной издёвкой произнес седовласый.

— Вы мне что, угрожать вздумали? — невольно насторожился полицейский.

— Угроза — оружие трусов, — надувшись от важности, вмешался в разговор японец. — Макото-сан всегда говорит, что черовек обязан...

— Запомните — у меня нет никаких обязательств перед вами двоими, — справедливо перебил его Гэлбрайт.

После этих слов инспектор отошёл от лифта и встал рядом со своими собеседниками. Перед ним открылся вид на винтовую лестницу, уходившую глубоко в круглую бетонную шахту. Её ступени освещались редкими жёлтыми диодами, подвешенными на алюминиевом проводе, который был протянут над перилами лестницы. Конец этой стальной спирали терялся в темноте, из которой не доносилось ни единого звука. При виде этого глубокого спуска вниз по спине полицейского пробежал холод — за всю свою сознательную жизнь он никогда не видел такой большой глубины. Гэлбрайт почувствовал, как у него непроизвольно задрожали руки, и он с трудом сдержался от того, чтобы не поддаться порыву страха и не броситься прочь, то есть к выходу из этого места.

Он посмотрел на седовласого — тот, казалось, не испытывал совершенно никакого дискомфорта, спокойно глядя вперёд. Затем инспектор повернулся к японцу — тот смотрел на Гэлбрайта с любопытством, и его глаза, казалось, говорили ему «Что, испугались? Это урок для вас, чтобы не грубили ученым!».

— Ну что, в путь? — бодрым тоном сказал специалист.

С этими словами он ухватился одной рукой за железные перила и начал неторопливо спускаться вниз по лестнице. Японец последовал за ним. Гэлбрайт не спешил идти за ними и облокотился на перила.

— Эй, подождите секунду, — тихо сказал он им вслед.

Седовласый, казалось, не слышал его и продолжал идти, и только его желтолицый спутник оказал гостю услугу, слегка откинув голову назад и странно посмотрев на Гэлбрайта, скосив глаза.

— Пообещайте мне, что по окончании этой экскурсии я вернусь обратно целым и невредимым, хорошо? — с неожиданной мягкостью попросил его инспектор.

— Не волнуйтесь, — раздался голос специалиста, — вы наш гость, и поэтому мы ни в коем случае не имеем права желать вам зла.

Японец же не сказал ни слова, лишь поманил инспектора пальцем и, отвернувшись от него, продолжил свой путь. Гэлбрайт, несколько опечаленный этими словами, пожал плечами и послушно последовал за ними обоими. В воздухе шахты, в которой находилась лестница, висел слегка затхлый подземный запах — что-то среднее между запахом плесени и гари. Любопытно, что чем ниже они спускались, тем теплее становился воздух.

— Пожалуйста, не топайте! — внезапно крикнул седовласый.

Инспектор только сейчас осознал, что всё это время его спутники молча шли по металлическим ступеням, в то время как он, в своих лоферах, и в самом деле очень отчетливо топал. Гэлбрайт посмотрел на пятки идущего перед ним японца и не смог удержаться от улыбки — на босых ногах молодого человека были резиновые шлёпанцы, очень похожие на те, которые носят загорающие на пляже туристы. Подобная обувь настолько диссонировала с белым халатом учёного, что инспектор не смог удержаться от того, чтобы не прокомментировать это вслух.

— Забавный у вас здесь дресс-код, — сказал он, пытаясь замедлить шаг.

— Вы говорите о тапочках? — спросил его седовласый мужчина, продолжая спускаться. — Мы бы и вам их предложили, но подумали, что вы начнете жаловаться.

— Но почему именно шлёпанцы? — спросил Гэлбрайт через голову молчащего японца.

— Ноги дышат, а также топанье не мешает разговору, — спокойно ответил специалист.

Гэлбрайт наконец справился со страхом, охватившим его пару минут тому назад. Теперь вся эта ситуация казалась ему забавной до такой степени, что он был почти уверен в том, что это происходило в каком-то комедийном фарсе.

— И что вы хотите мне сказать, господин... — инспектор хотел дождаться, пока учёный назовет ему себя.

— Зовите меня просто специалистом, — ответил седовласый.

— Что ещё за конспирация? — инспектор почувствовал подвох.

— Мы, учёные, народ скромный, — загадочно сказал специалист, — поэтому имён у нас нет.

— Торько когда черовеку удастся добиться успеха, он имеет право публично называть себя, — внезапно заговорил японец, до этого хранивший молчание.

— Хм... — Гэлбрайт нахмурился. — Подождите, а как же Манабу? — он вспомнил имя азиата.

— Господин Манабу имеет репутацию первого помощника своего учителя, — ответил специалист, — и он достоин того, чтобы к нему обращались по имени.

— Значит ли это, что вы недостойны? — полицейский изумился такой несправедливости.

— Я всего лишь исполнитель, о котором никто никогда не упомянет, — печально сказал седовласый. — Подобно музыканту в оркестре, ведь слушатели сначала говорят о композиторе, затем о дирижере, но никого не волнует личность того, кто сам издаёт звуки музыки.

В словах специалиста было зерно истины, но Гэлбрайту это всё равно казалось недостаточным оправданием того факта, что человек, который вчера утром — а на самом деле два месяца тому

назад — нанёс неожиданный визит инспектору, и при всём этом продолжает скрывать от полицейского свое имя.

— Сколько нам ещё идти? — спросил Гэлбрайт специалиста.

— Лучше не спрашивайте об этом, — уклончиво ответил тот.

Это означало, подумал инспектор, что институт действительно был расположен довольно глубоко под землей. Странно, очень странно — зачем так тщательно скрывать от человеческих глаз то, что относится к компьютерным технологиям?

— Тогда не могли бы вы рассказать мне о том, кто этот Монтези, о котором вы упомянули? — снова задал вопрос инспектор.

— Pourquoi pas? — воскликнул седовласый мужчина по-французски. — Это именно то, что входит в нашу программу для ввода начинающих в курс дела.

— Любопытно, и скольких людей вы смогли наставить на путь истинный? — саркастически заметил полицейский.

— Пока ни одного, вы первый, кто удостоился такой чести, — снова подал голос японец.

Шагая позади своих спутников, Гэлбрайт быстро понял, почему ему выпала честь стать первым гостем этого института — дело в том, что мало кому захотелось бы спускаться глубоко под землю, вдыхая спёртый воздух и стараясь не покатиться кубарем с винтовой лестницы. У инспектора возникло ощущение, что он спускается в Марианскую впадину или, не дай Бог, туда, где происходили действия «Божественной комедии» самого Данте...

— Монтези был инженером-конструктором, — тем временем начал специалист, — который со школьных времён лелеял идею создания вечного суперкомпьютера.

— Что-что? — переспросил Гэлбрайт, не веря своим ушам.

— Вечном в том смысле, — словно делая сноску, сказал седовласый, — что интегральные схемы, составлявшие основу машины, не изнашивались бы со временем.

— Конечно, при соблюдении условий эксплуатации, — нравоучительно вставил японец.

— Господин Манабу прав, суперкомпьютер не протянул бы и дня, если бы его поставили под дождем, но кому может прийти в голову идея подобного акта вандализма? — согласился с собеседником специалист.

— Ну, да... — тихо сказал Гэлбрайт.

— В общем, — продолжил рассказ седовласый мужчина, — Монтези, будучи ещё в студенческом возрасте, переехал из своего родного Чили в Англию, и в её столице он быстро наладил связи с заинтересованными в этом людьми.

— Вы хотите сказать, что в Лондоне нашлись какие-то наивные производители комплектующих, которые поверили на слово какому-то южноамериканскому студенту и выполнили все его безумные прихоти? — недоверчиво переспросил инспектор.

— Это невероятно, но факт, — кратко сказал специалист.

— Зачем, скажите на милость, этому Монтези понадобилось рыть эту шахту? — Гэлбрайт всё ещё не мог принять слова своего собеседника за чистую монету.

— Холодная война, — столь же лаконично ответил специалист, — Монтези не хотел, чтобы спецслужбы вмешивались в его работу.

Ну да, подумал полицейский, это же так очевидно... Но всё жё, как получилось, что проект такого масштаба остался неизвестным широким массам? Для Гэлбрайта это было не меньшей загадкой, чем тот факт, что он сам каким-то образом совершил путешествие во времени.

— Адриан Монтези со своими подопечными, — продолжил седовласый, — за пару лет создал прототип суперкомпьютера. Разработка велась непосредственно под землёй — специально для этих целей там были возведены мастерские, в которых собирались микросхемы, блоки памяти и остальные компоненты.

— Звучит как фрагмент из какой-то фантастической истории, — не удержался Гэлбрайт.

— Обрать науки, в которой мы работаем, обычному черовеку всегда кажется научной фантастикой, — поспешил вставить слово японец.

— Именно поэтому я стараюсь не использовать в своей речи термины, которые вам в любом случае были бы непонятны, — отметил специалист.

— Спасибо на добром слове, — саркастически ответил инспектор.

— Самая первая программа, которая была записана в память компьютера, — сказал седовласый мужчина, — было чрезвычайно примитивной, тогда ещё не могло быть и речи о том, чтобы симулировать наш мир.

— А теперь, значит, он уже может его симулировать? — их гость не смог удержаться от ухмылки.

— Не забегайте слишком далеко вперёд! — строго сказал специалист.

Гэлбрайт истолковал это замечание как положительный ответ на свой риторический вопрос. Что ж, это довольно любопытно, подумал он.

— Адриан Монтези в конце концов достиг своей цели и компьютер смог функционировать вечно и без остановок, — торжественно произнес седовласый мужчина.

— А в дальнейшем, я так понимаю, он унёс свой секрет вместе с собой в могилу? — пошутил Гэлбрайт.

— Побойтесь неба, Монтези жив! — в благоговейном страхе воскликнул специалист.

— Ладно, я пошутил, — успокоил собеседника инспектор.

— Изобретатель был так воодушевлён своим успехом, — продолжил седовласый мужчина, — что по окончании тестового запуска компьютера он немедленно помчался в Ведомство интеллектуальной собственности Соединенного Королевства, где тут же зарегистрировал товарный знак «Мон-Тек», что было сокращением от «Монтези Текнолоджис».

— Как-то этот его поступок не вяжется с тем, как он, по вашим собственным словам, скрывал до этого свои разработки от спецслужб, — заметил несоответствие Гэлбрайт.

— Эйдориан Монтеши был очень странным гайдзином, — начал оправдываться японец, — и никто не мог понять, что творилось у него в голове.

— Почему вы оба говорите о нём в прошедшем времени? — не удержался от вопроса их гость.

— Сейчас узнаете, — сказал специалист. — Когда Монтези зарегистрировал торговую марку, он выступил на международном конгрессе. Единственным, кто заинтересовался изобретением этого чилийца, был японский профессор Макото Шугарами.

Гэлбрайт не мог отделаться от мысли, что, по-видимому, все остальные ученые, присутствовавшие на том конгрессе, посчитали этого южноамериканского инженера сумасшедшим и не поверили ни слову из его рассказа о вечном суперкомпьютере. Да и кто бы мог поверить в подобную ерунду...

— У Макото-сана есть теория, — с энтузиазмом начал японец, — что компьютерное программирование подобно обучению человека, когда результатом должна быть не машина, выполняющая запрограммированную в нее программу, но искусственный интеллект, который может думать сам по себе, без вмешательства оператора.

— Что ж, сильно сказано, — невольно похвалил Гэлбрайт молодого собеседника.

— Увы, на родине у Макото-сана была прохая репутация, ибо учёные презирали его и относились к его мыслям как к пустой болтовне, — продолжил с ужасным акцентом азиат свой рассказ.

— Хм, типичная история о непризнанном гении, — пробормотал полицейский.

— И поэтому, когда профессор узнал о творении Эйдориана Монтеши, он сказал, что с этим гайдзином он наконец-то сможет воплотить в жизнь свою мечту о создании искусственного мира, — сказав это, японец начал тяжело дышать, словно в божественном благоговении, хотя возможно это были всего-лишь признаки усталости ввиду долгого спуска по спиральной лестнице.

Было что-то странное в этом союзе чилийского инженера и японского программиста... Но таков мир, и раз уж две души нашли друг друга, то Гэлбрайту было бессмысленно спорить с этим.

— В качестве демонстрации своих возможностей профессор Макото показал Монтези прототип своей программы, которая на основе введенной в неё информации выдавала в ответ вполне осмысленные предложения, — специалист взял инициативу рассказчика на себя.

— Подобно тому, когда ребёнок повторяет действия взрослого, — объяснил его спутник-азиат.

— Вы хотите сказать, что какой-то неизвестный мне японский профессор развил модель фон Неймана и добился в этом невиданных успехов? — спросил Гэлбрайт.

— Неизвестность — понятие относительное, — заметил седовласый. — Вы знаете, кто такой Томас Кайт Шарплес?

— Пф-ф, откуда мне знать? — полицейский не понял намека.

— А ведь если бы вы интересовались компьютерами, то вам было бы известно, что это был главный программист электронного числового интегратора и вычислителя, — наставительным

тоном произнёс специалист.

— Ладно, я понял, — сдался Гэлбрайт перед этой длинной и заумной фразой.

На пару минут воцарилось молчание. Все трое — инспектор, седовласый мужчина и японец — продолжали спускаться по плохо освещенной винтовой лестнице, и казалось, этому спуску не будет конца. Гэлбрайт с удивлением отметил, что за всё это время он ни разу не запыхался — очевидно, движение по спирали практически не давало нагрузки на ноги.

— Программа профессора Макото так восхитила Монтези, — через три минуты продолжил седовласый мужчина, — что тот, недолго думая, назначил японского профессора на должность главного программиста своего суперкомпьютера.

— Макото-сан взял с собой штат своих сотрудников, среди которых был и ваш покорнейший сруга Манабу, — с достоинством произнёс японец.

— В течение двух месяцев, — рассказывал специалист, — команда японских программистов усердно работала, не покладая рук, и по итогу продемонстрировала свою работу Монтези.

— Эйдориан Монтеши был так поражен беспрецедентными открытиями моего учителя, — немедленно вмешался его спутник-азиат, — что он преклонился перед его гением и передал ему весь проект.

— Но куда по итогу он всё-таки делся? — задал вопрос Гэлбрайт.

— Монтези в итоге покинул «Мон-Тек», — сказал специалист, — но перед уходом он попросил профессора об одолжении.

— И каком же именно? — не унимался инспектор.

— У него было две просьбы, — продолжил седовласый, — чтобы штат работников полностью забыл о его персоне и заодно сменил торговую марку.

— И каковы же были успехи? — полицейский был удивлен такими требованиями чилийца.

— «Мон-Тек» был перерегистрирован под новым названием «Институт компьютеризации имени Макото», — произнес седовласый уже знакомое Гэлбрайту слово.

— Но, как бы этому гайдзину не хотерось, никто из нас не забыл об Эйдориане Монтеши, — вставил слово японец.

Ну, конечно, подумал Гэлбрайт, в конце концов, тот факт, что этот человек создал технологию, которая может работать вечно, гораздо важнее, чем какая-то программа, записанная в суперкомпьютер.

— Он действительно ушёл по своей собственной инициативе? — возникли подозрения у полицейского.

— Макото-сан рично уморяя Эйдориана Монтеши не бросать своё детище, но гайдзин был непреклонен, — словно оправдываясь, сказал азиат.

— Ладно, и что было дальше? — инспектор проигнорировал это объяснение.

— Когда коллектив института был возглавлен Макото Шугарами, — специалист снова

заговорил, — все участники приступили к работе над созданием «Ящика Макото» — именно так называл свое творение сам профессор.

— И что программисты клали в этот ящик? — иронично спросил Гэлбрайт.

— В блоки памяти суперкомпьютера начали заносить всевозможную информацию, — начал перечислять седовласый мужчина, — начиная от таких наук, как алгебра или философия, и заканчивая такими мелочами, как цены на билеты в Африку или список лучших духов для молодых девушек.

— Никогда не слышал подобного вздора, — сказал инспектор, — зачем, спрашивается, забивать суперкомпьютер всякой ерундой?

— Макото-сан хотер, — начал японец, — чтобы компьютер распарагар таким количеством информации о нашем мире, чтобы создать на её основе свою собственную виртуарную копию.

Гэлбрайт подумал о том, что эта идея была весьма схожа с греческом мифе о Сизифе, ведь, в конце концов, мир, который окружает людей, состоит из такого множества мелочей, что на сбор одной только этой информации должны уйти десятилетия. Но пути учёных неисповедимы... Инспектор даже решил, что у профессора Макото, по-видимому, были какие-то проблемы со здоровьем, которые не могли позволить ему зачать наследника, и именно поэтому профессор решил создать своеобразного электронного ребёнка из реле и строчек кода.

В тот момент, когда эта мысль пришла в голову Гэлбрайту, ему в глаза внезапно ударил яркий свет. Полицейский тут же остановился и невольно заслонился руками от света.

— А вот и наш институт, — услышал он торжественный голос седовласого.

До ушей инспектора донеслись далёкие крики и чьи-то весёлые переговоры, но он не мог разобрать слов — люди говорили на непонятном ему языке. Через несколько минут его глаза, привыкшие к темноте, приспособились к белому свету люминесцентных ламп, висевших на потолке, и постепенно Гэлбрайт начал различать окружающий его интерьер.

Теперь он со своими двумя спутниками стоял посреди длинного коридора с блестящими металлическими стенами, который уходил вдаль и терялся за поворотом. Мимо него проходили люди, которые в глазах полицейского были похожи друг на друга как две капли воды, потому что все они были одеты в белые халаты, наброшенные поверх повседневной одежды. Прохожие косились на него, но не останавливались и двигались дальше. Внезапно Гэлбрайт заметил, как один из них слегка притормозил и повернулся к своему товарищу.

— Манабу-кун но тонари ни татте иру коно бака ва даредесу ка? — сказал этот человек по-японски.

— Коре га ваташитачи но гесутода омоимасу, — ответил его собеседник.

Молодые люди прошли мимо Гэлбрайта, который продолжал стоять на одном месте. Вскоре он понял причину, по которой все так на него смотрели — дело в том, что кроме специалиста, работавшего здесь, инспектор был единственным европеоидом, который среди толпы японцев выглядел пришельцем из другого мира.

— Простите, что сказали эти джентльмены? — обратился он к Манабу.

Учёный посмотрел на инспектора.

— Эти двое сказари, — начал переводить Манабу, — что они очень рады тому, что мы пригласили почтенного гостя в наш институт!

Озорной огонёк, загоревшийся в глазах японца, заставил Гэлбрайта на долю секунды усомниться в правильности этого перевода, но в сущности ему было всё равно, правильно ли Манабу передал иностранцу смысл мимолетного замечания своих коллег. Зато инспектор заинтересовался тем, как такое большое количество людей могло оказаться под землёй.

— Кстати, они здесь живут или... — спросил он.

— Только работают, — коротко ответил специалист.

— Но как они добираются до сюда? — спросил Гэлбрайт.

— На такси... — начал седовласый, но инспектор перебил его.

— Я имею в виду, как они спускаются под землю, — уточнил он.

Было бы странно, подумал полицейский, если бы все эти ученые тратили больше часа своего времени на то, чтобы добраться до своих рабочих мест.

— На лифте, конечно, — ответил специалист.

— Что, неужто эти японцы не теряют сознания, пока спускаются сюда? — Гэлбрайт вспомнил фразу своего собеседника, когда тот отговаривал его ехать на лифте.

— Физическая подготовка, — автоматически ответил Манабу.

«Что-то эти ученые не похожи на людей, занимающихся спортом», — подумал Гэлбрайт, глядя на своих собеседников и на проходящих мимо худых молодых людей в белых халатах.

— Может быть, это просто дело привычки? — сказал инспектор.

— И это тоже, — кивнул специалист.

Внезапно рядом с ними остановилось двое человек. Конечно, это также были японцы, но на этот раз они не ограничились комментариями на своем языке, а поклонились Гэлбрайту и протянули ему руки.

— Привет, — сказал на довольно хорошем английском тот, что был помоложе.

— Приветствую, — жизнерадостно произнёс его старший товарищ.

Очевидно, они были братьями, подумал инспектор, пожимая руку сначала одному, потом другому.

— Это наши новые сотрудники, — шепнул ему специалист.

— Надеюсь, их имена не будут для меня тайной? — саркастически заметил полицейский.

— Конечно нет, — седовласый мужчина, казалось, не понял его намека. — Познакомьтесь с братьями Окамура — Шинойдой и Ичиносе.

При этих словах старший недовольно хмыкнул, а его младший брат грустно улыбнулся. Подобная реакция братьев несколько смутило Гэлбрайта.

— Я рад, что наконец-то нашёлся доброволец, готовый протестировать наш суперкомпьютер, — сказал Ичиносе.

— Надеюсь, гость оценит плоды наших трудов, — поддержал Шинода своего брата.

Инспектор вздохнул — его не устраивало то, что эти ребята говорили о нём так, словно для них он был не человеком, а каким-то подопытным кроликом. Дело было не в самих словах — фальшивой стене чувств, — а в интонации этих двоих. Гэлбрайт приготовился к худшему.

— Как вы называете проект института между собой? — спросил он братьев.

Он задал вопрос не столько из любопытства, сколько для того, чтобы понаблюдать за реакцией этих двоих и оценить, не появится ли на их лицах раздражение от чрезмерной назойливости гостя.

— Мы называем это D.O.O.R., — ответил Шинода.

— Вы можете мне сказать, как это расшифровывается? — не унимался инспектор.

По тому, как японец отчеканил буквы, Гэлбрайт догадался, что это была аббревиатура. Старший брат нахмурился и, склонив голову набок, на несколько секунд задумался, словно решая, отвечать на вопрос полицейского или нет. Затем его лицо просветлело.

— D.O.O.R. — это, грубо говоря, ориентированная на цифровые технологии объективная копия, — ответил он.

Старший сын семьи Окамура так сильно растягивал гласные, что могло создаться впечатление, что он таким образом старался усилить эффект от своих слов, но на самом деле это лишь убедило его собеседника в том, что английский Шиноды был далеко не идеальным.

— Не слушайте его, — внезапно вмешался в разговор Ичиносе, — мой брат слишком педантичен и не видит скрытого смысла в названии нашего проекта!

Шинода строго посмотрел на своего младшего брата, но тот, казалось, не заметил упрека. Гэлбрайт не мог не восхититься Ичиносе. Только сейчас полицейский заметил, что эти братья не были точными копиями друг друга — у каждого была своя характерная черта, которую он, европеоид, всё-таки смог разглядеть в каждом. У Шиноды, к примеру, была решительная складка над верхней губой, что придавало его лицу что-то мужественное, в то время как у Ичиносе, напротив, в лице была какая-то детская округлость, не лишённая своеобразной красоты и очарования. А вот что у них было общего, так это то, что они оба были почти одного возраста, и у обоих были тёмные глаза и короткие волосы.

— И какой же смысл вы видите в этом громком слове? — спросил инспектор младшего сына семьи Окамура.

— D.O.O.R. — это дверь в будущее! — с искренним восторгом воскликнул Ичиносе.

После этого Шинода наклонился к брату и начал что-то сердито шептать ему на ухо — видимо, делая выговор за то, что тот повёл себя неуместно в стенах института. Но Гэлбрайта куда больше удовлетворил ответ Ичиносе — ибо он думал, что в нём было гораздо больше смысла,

чем в громоздкой и заумной последовательности слов, на которой настаивал его старший брат. Затем внезапно заговорил седовласый, до этого спокойно наблюдавший за разговором между гостем и двумя новыми сотрудниками института.

— А теперь простите, мне нужно идти, дела, — вот, что он сказал в этот момент.

По окончании этой непродолжительной тирады специалист слегка кивнул инспектору и быстро направился к развилке коридоров. Не дойдя нескольких шагов до поворота, он обернулся и помахал Манабу, после чего исчез в левом коридоре. Японец последовал примеру своего иностранного коллеги и направился вслед за ним. Гэлбрайт несколько минут смотрел ему в спину — сочетание строгого белого халата и голых пяток продолжало веселить полицейского.

Когда Манабу скрылся за поворотом коридора, инспектор снова перевёл взгляд на братьев и только теперь заметил, что они также носили шлёпанцы. «Ничего не поделаешь», — подумал он, — «в этом подземном институте всё не так, как у нормальных людей». Он задал себе, по сути, глупый вопрос: меняют ли сотрудники обувь по приходу на работу или они даже на поверхности продолжают носить тапочки? Гэлбрайт посмотрел на старшего из братьев — тот стоял у стены, на которой был написан логотип — три огромные красные буквы «M.C.I.». По-видимому, это была эмблема института.

Шинода сосредоточенно шевелил губами и, казалось, совершенно забыл о госте.

— Извините, но что мне теперь делать? — инспектор повернулся к Ичиносе, который в свою очередь от скуки вертел в руках шариковую ручку. — Где ваш суперкомпьютер, или как он там называется, D.O.O.R.?

Эти слова вывели старшего брата из транса, и он, перестав шевелить губами, посмотрел на инспектора.

— Сейчас мы приведём вас туда, куда нужно, — несколько задумчиво произнес японец.

— Если у вас возникнут какие-либо вопросы, не стесняйтесь обращаться к нам, — вмешался его младший брат.

— В таком случае, — Гэлбрайт невольно почувствовал вдохновение, — прежде чем вы отведете меня к аппарату, не могли бы вы устроить мне аудиенцию с профессором Макото Шугарами?

Полицейский вложил в эти слова всё своё чувство собственного достоинства, потому что считал, что не должен позволять другим помыкать им, как будто он был каким-то безвольным животным. После некоторого молчания Шинода криво усмехнулся, и Гэлбрайт невольно почувствовал, что этими словами выставил себя на посмеище. Но это всё равно было намного лучше, чем если бы инспектор вёл себя как безвольный и наивный идиот.

— Макото-сан уехал в Токио, — сказал Шинода.

— По делам? — из вежливости спросил Гэлбрайт.

— Профессор решил отдать дань уважения своему любимому писателю, — сказав это, Ичиносе воздел руки к потолку.

— В каком смысле? — инспектора удивил ответ младшего брата Окамура.

— Макото-сан удостоил своим посещением зимнюю резиденцию... — и Ичиносе произнёс незнакомое Гэлбрайту имя, которое, по-видимому, принадлежало какому-то японскому писателю.

— Ладно, это его дело, — махнул рукой их гость, имея в виду самого профессора Макото, а не его любимого писателя.

Не повезло, подумал Гэлбрайт, что судьба привела его в этот институт именно в тот момент, когда его ректор был в отпуске. Придётся полицейскому доверить свою жизнь в руки этих двух непоседливых болванов, которым инспектор абсолютно не доверял. Он уже начал жалеть о своем решении приехать сюда, но внезапно ему в голову пришла мысль.

— Кстати, вы случайно не знаете доктора Бэйзларда? — спросил Гэлбрайт у обоих братьев.

Он задал вопрос наугад, не ожидая получить на него положительный ответ. Собственно говоря, так оно и случилось.

— Нет, мы впервые слышим это имя, — хором ответили братья Окамура. — А кто это?

— Ну, низенький такой, с лысиной и очки носит, — инспектор по памяти перечислил характеристики доктора.

Братья пожали плечами — никто из них не видел человека с такими приметами. Инспектор пал духом. Ичиносе положил руку ему на плечо.

— Пойдемте с нами, уважаемый гость, — успокаивающим тоном сказал японец.

Братья одновременно повернулись к нему спиной и направились по коридору, и Гэлбрайт, слегка помедлив, последовал вслед за ними. Они втроем шли по узким проходам и бесчисленным коридорам, облицованными металлическими пластинами, которые блестели в белом свете потолочных ламп. Иногда в стенах попадались ниши, в которых располагались газовые баллоны и аккумуляторы. Часто стены пересекали длинные трубы, от которых исходил слабый гул — по-видимому, то был трубопровод отопления.

Но инспектору были малоинтересны архитектурные изыски места, в котором он оказался, да и технические тонкости этого института его нисколько не волновали — его мысли были заняты совершенно другими проблемами. Он быстро шёл за братьями Окамура, стараясь не отставать от них ни на шаг, и думал о том, что если бы не эти двое, то он, вероятно, заблудился бы в этих однообразных металлических кишках туннелей, в каждом из которых, казалось, было по меньшей мере тысяча проходов и ответвлений.

Наконец братья остановились в небольшом укромном уголке. Инспектор встал позади них и наблюдал за тем, как Ичиносе подмигнул ему и, повернувшись лицом к двери из рифленого железа, с видимым усилием налёг на ручку. Та не поддавалась японцу. На секунду по лицу Гэлбрайта скользнула усмешка. Шинода, нахмурившись, посмотрел на своего младшего брата.

— Отойди, братишка, — сказал он и слегка толкнул Ичиносе.

Тот, будто в страхе, тут же отскочил от двери и, ссутулив плечи, прижался к стене. Старший же брат тут же схватился за ручку и потянул её на себя. Массивная дверь распахнулась так резко, что Шинода чуть не потерял равновесие и сумел удержаться на ногах, только ухватившись за дверной косяк. Его гость снова ухмыльнулся, но когда японец повернулся к нему, то инспектор тут же замолчал и на всякий случай сделал шаг назад, словно опасаясь

того, что его улыбка могла вызвать неудовольствие у его собеседника.

Секунду Гэлбрайт и Шинода смотрели друг другу в глаза, затем второй перевел взгляд на своего младшего брата, который уже пришел в себя, и ухмыльнулся.

— Тогда решать вам, — весело сказал Шинода.

— Простите, вы ко мне обращаетесь? — Гэлбрайт не понял, кому была адресована эта странная фраза.

— Конечно, — лаконично отрезал старший брат Окамура, снова переведя свой взгляд на инспектора.

В глазах японца читался интерес — примерно такой же, как у учёного, наблюдающего за поведением лабораторной крысы. «Мне не нравится этот взгляд», — подумал Гэлбрайт, но спорить с учёным он не стал и переступил порог. Оказавшись внутри, он услышал, как тяжелая дверь за ним начала медленно закрываться. Полицейский молниеносно обернулся и обеими руками навалился на неё.

— Веди себя прилично, дуралей! — с неожиданной грубостью пробормотал Шинода.

Инспектору пришлось повиноваться, и когда дверь за ним захлопнулась, он с подозрением огляделся по сторонам. В комнате, куда он попал, было темно — единственным источником света в ней была красная лампочка, тускло мерцавшая на потолке. Гэлбрайт нерешительно сделал пару шагов в темноту, как вдруг до его ушей донесся громкий щелчок, и комната осветилась ярким светом всё тех же флуоресцентных ламп, которые были в коридоре.

— А теперь слушайте, гость, — раздался раскатистый голос, за которым последовало шипение помех.

Полицейский повернул голову в ту сторону, откуда доносился источник звука. Голос шёл из динамика, висевшего прямо над дверью.

— Продолжайте двигаться вперёд, гость, и делайте то, что я вам говорю, — сказал невидимый диктор.

Инспектор пожал плечами и повернулся на каблуках. То, что открылось его глазам, оказалось комнатой с низким потолком, покрытой такими же железными пластинами, как и остальная часть интерьера этого странного подземного института. Гэлбрайт двинулся вперёд. Он увидел вмонтированную в стену приборную панель, рядом с которой стояло нечто похожее на стул, который, как мог с уверенностью сказать полицейский, был явно сделан из хромированного металла. Его спинка слегка изгибалась назад, а сиденье и подлокотники были обиты чем-то похожим на искусственную кожу.

Гэлбрайт невольно вздрогнул, когда увидел этот стул — он сразу же проассоциировал эту конструкцию с электрическим стулом, на котором в некоторых штатах Америки до сих пор проводились казни. Было странно видеть подобную вещь в английском компьютерном институте, которым руководили японцы, но в данный момент полицейскому было не до смеха.

— Итак, вы видите «место зрителя», — снова раздался искажённый помехами голос.

«Хм, очень подходящее название для этой конструкции», — саркастически подумал Гэлбрайт. Он подошёл к стулу и коснулся пальцем обивки. Оказывается, он был обит резиной. «Чтобы

меня случайно не ударило током?» подумал инспектор.

— Садитесь в него и нажмите на красную кнопку, которая находится слева от вас, — подал команду голос диктора.

Гэлбрайт не спешил садиться на этот стул. Ему пришла в голову мысль, а не было ли всё это частью плана доктора Бэйзларда, суть которого могла заключаться в том, чтобы заманить инспектора как можно дальше от поверхности земли, а затем посадить на электрический стул и всё, нежелательный человек был бы устранён... Полицейский решил обратиться к невидимому обладателю этого наглого голоса. Он не ожидал, что ему кто-нибудь ответит или хотя бы просто услышит, но попробовать всё же стоило.

— Эй, как вас там зовут... — крикнул Гэлбрайт, мотая головой по сторонам.

— Что? — вопросительно прогремел голос.

— Почему именно этот стул? — спросил инспектор.

— Чтобы подключиться к мыслям D.O.O.R., — громко провозгласил диктор.

— Я не понимаю, где здесь логика, — крикнул полицейский.

— Вы садитесь на место зрителя, и по нажатию кнопки к вашей голове подключается специальный адаптер, позволяющий вам читать сны суперкомпьютера, — громко объяснил голос.

— Почему всё так сложно? — почти капризно воскликнул Гэлбрайт.

— Ничего сложного, — невидимый диктор, казалось, улыбнулся, — вы просто садитесь и подключаетесь.

— Это правда, что во всём вашем институте вы не смогли отыскать ни одного человека, который мог бы просто вмонтировать в этот суперкомпьютер самый простой экран? — спросил Гэлбрайт.

— D.O.O.R. предоставляет информацию в виде последовательности электронных импульсов. Мы активно работаем над тем, чтобы суперкомпьютер мог преобразовать их в непрерывный поток видеосигнала, но на данном этапе все задачи, связанные с визуализацией, переключаются на мозг «зрителя». Принцип этот схож с литературой — ведь по сути книга является простым набором букв, но в вашей голове их последовательность трансформируется в яркие образы, — после этой тирады голос затих.

Из-за помех и эха, царивших в этом помещении, было невозможно понять, кому на самом деле принадлежал этот голос, но когда Гэлбрайт услышал подобную аналогию из уст невидимого оператора, то он сразу подумал о том, что человеком, сидевшим в данный момент у микрофона, мог быть никто иной, как уже знакомый ему седовласый специалист. Однако полицейский не стал вступать с ним в перепалку — ибо какой мог быть в этом смысл, если он сам всё ещё был заперт в помещении, похожем на тюремную камеру...

— Садитесь на место, — снова раздался голос.

«Что ж», — подумал Гэлбрайт, — «вы достаточно надавили на меня». Он поправил свой пиджак и устроился на стуле.

— Теперь нажмите на кнопку, — продолжил диктор.

«...и я получу результат», — подумал инспектор. Гэлбрайт повернул голову влево и увидел прямо рядом с подлокотником небольшое углубление в приборной панели, в котором мерцал синий огонёк. Он наклонился ближе. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что это была круглая пластиковая кнопка с едва заметной выпуклостью посередине.

— Нет уж, не всё сразу! — полицейский поднял голову вверх.

— Какие ещё вопросы? — прогремел голос из динамика.

— Не могли бы вы описать в общих чертах, что я увижу в этих «снах»? — закричал Гэлбрайт, словно борясь за свою жизнь.

— Хорошо, — пробормотал диктор, словно делая ему одолжение. — Профессор Макото Шугарамы не намеревался создавать конкретную личность машинного разума суперкомпьютера, он просто загружал в него информацию. Однако, когда мы провели сеанс так называемого «первого чтения», то мы обратили внимание на то, что D.O.O.R. в своих мыслях считает себя молодым американским мафиози, который живёт в европейском городке.

«У этого мозга крайне необузданное воображение», — подумал Гэлбрайт, не отдавая себе отчета, о ком именно он говорил — о вполне себе живом профессоре или об этой мертвой машине.

— Как зовут этого вашего «электронного мафиози»? — спросил инспектор

— Эдвин Дефорест, — сухо ответил голос.

— Хорошо, джентльмены, я готов, — наконец согласился полицейский.

Гэлбрайт отвёл взгляд от блестящего металлического потолка и снова посмотрел на голубую лампочку. Он немного колебался — почти как тогда, когда впервые сел в свой первый самолет. Тогда суть была в том, что он покидал свою родную Англию с целью попасть в неизведанную землю обетованную, а теперь — какая ирония судьбы! — он совершил обратное путешествие, дабы проникнуть в мысли каких-то электронных мозгов, находившихся в глубинах подозрительного подземного бункера, по непонятным причинам называвшего себя институтом.

Гэлбрайт вытер рукой пот со лба и, с нежностью подумав о бедной маленькой девочке по имени Делия, из-за которой он, собственно, и совершил путешествие из Портленда в Лондон, решительно протянул руку к кнопке...

Раздался едва слышный щелчок, и на потолке, прямо над головой Гэлбрайта, приоткрылась небольшая панель, откуда вниз выдвинулся манипулятор, заканчивающийся тремя серебряными когтями. Со звуком сервоприводов они начали медленно приближаться к голове инспектора, который непроизвольно поёжился в своем кресле.

— Расслабьтесь, гость, — раздался голос, — и закройте глаза.

Полицейский подчинился невидимому собеседнику. Он почувствовал, как три пальца манипулятора обхватили его затылок и бока головы. Гэлбрайту не было больно, но ощущение было не из приятных — казалось, что его голову сжимали в тисках, что было недалеко от истины.

— А также перестаньте думать, — сказал диктор.

Услышав это, инспектор открыл глаза. Он хотел спросить, как ему следует понимать эту просьбу, но с ужасом обнаружил, что язык перестал ему повиноваться — очевидно, через стержни манипулятора был послан какой-то парализующий импульс. Но, к счастью для него, невидимый оператор, казалось, понял, что гость требует объяснений.

— Это необходимо для того, — начал рассказывать голос, — чтобы поток ваших мыслей не прерывал поток информации электронного сознания, потому что в противном случае вы рискуете ничего не увидеть. И да, — строго заметил диктор, — закройте глаза, я же вас попросил.

Гэлбрайт подумал о том, что это было весьма похоже на то, как реклама в кинотеатрах настоятельно рекомендует зрителям не задаваться вопросом, а просто наблюдать за тем, что им показывают на экране. С этой мыслью он постарался как можно плотнее закрыть глаза, одновременно замечая, что комната начала погружаться в темноту...

Прошел час, и комната, в которой он находился, снова наполнилась флуоресцентным светом. Инспектор почувствовал, как чьи-то руки начали снимать металлические клешни манипулятора с его головы. Он с трудом открыл глаза — рядом с ним стояли оба брата Окамура. Шинода высвободил голову Гэлбрайта из объятий машины, затем кивнул Ичиносе, после чего они вдвоём помогли инспектору подняться со стула.

— Устали? — вежливо спросил Шинода гостя.

— Я в порядке, — прохрипел он. — Спасибо за то, что проявили ко мне заботу.

Ноги полицейского едва держали его — всё его тело было настолько сильно измучено, как будто он пробежал несколько миль по пересеченной местности. Если бы не эти двое японцев, Гэлбрайт неминуемо упал бы на пол. Братья подхватили инспектора под руки, и всей троицей направились к выходу. Гость поднял голову — прямо на пороге стоял специалист, который смотрел на него с улыбкой.

— Мы можем пройти? — обратился к нему старший брат Окамура.

— Да-да, конечно, — седовласый мужчина отступил в сторону.

Когда они оказались в коридоре, японец отпустил Гэлбрайта, и он прислонился к стене, тяжело дыша. Впечатления от сеанса чтения снов компьютера заполнили его голову. Инспектор постоял так несколько минут, затем поправил пиджак и посмотрел на специалиста и братьев Окамура, стоявших неподалеку от него. Казалось, они с нетерпением ждали, когда он наконец решит поделиться с ними своими мыслями по поводу их изобретения.

— Что ж, джентльмены, — медленно произнёс Гэлбрайт, — это было здорово, скажу я вам!

— Как бы вы описали то, что увидели? — автоматически спросил его Шинода.

Лицо Ичиносе сияло от счастья — ему, как понял Гэлбрайт, было очень приятно слышать похвалу в адрес работы, к которой он приложил свою руку.

— Это можно сравнить с остросюжетным фильмом, — честно признался полицейский.

— Ха, это весьма интересное замечание! — воскликнул специалист и поднял палец вверх.

— Что? — Гэлбрайт непонимающе уставился на седовласого.

— Если бы Адриан Монтези не покинул наш институт, то он не преминул бы воспользоваться вашей идеей, — пояснил его собеседник.

— С чего вы это взяли? — инспектор не понял этих слов.

— Для общего развития, — продолжил седовласый, — Монтези в детстве мечтал стать режиссёром кинофильмов, но его родители хотели вырастить инженера, а не гуманитария, поэтому ему неохотно пришлось пойти против своих желаний.

— Любопытно, — инспектор почесал усы.

— Я полагаю, что у Монтези всё ещё гнездится в голове мысль о том, что ему не следовало подчиняться воле своих родителей, — сказал специалист.

— Хм... — Гэлбрайт погрузился в раздумья.

— Потому что это могло бы послужить понятным объяснением тому, почему он так легко передал свой проект в руки японского профессора, — закончил свою речь седовласый мужчина.

Да, подумал Гэлбрайт, люди подчас бывают такими забавными — у гения, изобретателя вечного суперкомпьютера, вскрылся такой тривиальный комплекс, который в конечном итоге заставил своего владельца отказаться от изобретения.

Полицейский посмотрел на братьев Окамура — те молча стояли, опустив глаза.

— Итак, вы считаете, — инспектор повернулся к седовласому, — что этот ваш суперкомпьютер можно использовать для создания фильмов?

— Pourquoi pas? — снова воскликнул специалист по-французски. — Было бы очень даже неплохо, если бы мы смогли научить D.O.O.R. отображать его сны на целлулоидной ленте в качестве серии изображений. Тогда мы бы могли передать подобный материал какой-нибудь киностудии, которая записала бы озвучку и в итоге смонтировала киноленту!

Ичиносе Окамура присоединился к этому изречению. Молодой японский ассистент сказал, что ленту со снами их суперкомпьютера с радостью приняла бы некая американская студия, которая была известна тем, что пыталась сэкономить каждый цент на создании своих фильмов, чем всегда успешно обманывала своих зрителей, в чём уподоблялась лисе.

— Я уверен, что фильм, снятый суперкомпьютером, побил бы рекорды на многих международных кинофестивалях, — продолжил седовласый с сумасшедшим блеском в глазах.

— А в случае, если критики оценили бы такой фильм по достоинству, то его, возможно, даже показали бы по кабельному телевидению! — сказал Шинода.

— Джентльмены, вы в самом деле в это верите? — Гэлбрайт не мог поверить своим ушам.

— Нет, мы просто шутим, — специалист тут же принял серьезное выражение лица.

Гэлбрайт не мог не признать, что у этих ученых было хорошее чувство юмора, и то, как они формулировали свои шутки, только укрепило его во мнении о том, насколько опередило своё время их изобретение. «Некая дверь, которая закрывается за киноиндустрией», — подумал он.

Понятное дело, что последнее слово будет принадлежать не самому суперкомпьютеру, а аудитории, но что поделаешь, СМИ любят драматизировать события.

Размышляя о киноиндустрии, Гэлбрайту в голову пришла идея — а что, если бы вдруг случилось так, что всё это приключение, которое ему удосужилось пережить, было бы решено экранизировать? Стоя в металлическом коридоре подземного института, инспектор начал прокручивать в голове идеи того, какие трансформации могла бы претерпеть его злополучная история, угоди она в дрожащие от нетерпения руки кинематографистов — как он был уверен, это точно были бы ребята из Голливуда.

Очевидно, что основное место действия из не очень известного города Портленда перенесли бы в Нью-Йорк — почему-то этим работягам из Лос-Анджелеса очень нравился этот многострадальный город. А вот Англия была бы полностью исключена из сюжета, потому что продюсер решил бы сэкономить на съемках в Лондоне. Кто знает, может быть, они бы не поленились на роль самого Гэлбрайта выписать из Франции ажно целого Бельмондо — ведь этот актёр славился тем, что мог творить чудеса, и любые, даже самые заурядные персонажи в его исполнении внезапно оживали и приобретали глубину, не присущую им до этого. Инспектору стало интересно, как бы критики отреагировали на участие французского актера в американском кинофильме?

Затем Гэлбрайт в своих мыслях добрался до многострадальной Делии — её история определенно не могла бы попасть на экран без сокращений, цензуры и переосмысления. Инспектор сразу представил себе, как стараниями американских сценаристов скромная маленькая девочка по имени Делия превратится в какого-нибудь сурового и мрачного мальчика или, ещё лучше, в дерганого подростка с комплексами по имени Делиан — но ни в коем случае не Далиен, дабы зрители, не дай Боже, не спутали этот фильм с ещё не вышедшей пятой частью нелепых — по скромному мнению инспектора Гэлбрайта — приключений какого-то дьявольского мальчишки.

Инспектор не видел ни одного фильма из этой хорошо известной киноманам франшизы, четвертую часть которой, как ему было известно, показали по кабельному телевидению шесть месяцев тому назад — ну или же четыре, если не считать его путешествия во времени в такси, — но он помнил слухи среди поклонников попкорновых кинолент, что в этой самой части у того непослушного мальчика без видимой на то причины — имеется в виду, если игнорировать факт того, что продюссы попросту захотели нагреть руки на новом фильме, — вдруг ни с того ни с сего появилась сестра — такая же противная и нелепая, как сам тот мальчишка. Или, может быть, всё было совершенно наоборот, и у этого мальчика не было никакой сестры, а девочка эта могла бы быть — чем чёрт не шутит? — его дочерью, которая была как две капли воды похожа на своего несовершеннолетнего отца? Размышляя о родстве персонажей в каких-то дурацких фильмах, инспектор Гэлбрайт поймал себя на мысли, что начинает ненавидеть весь американский кинематограф в целом и эту кинофраншизу в частности.

Тот факт, что голливудские кинематографисты решили бы заменить Делию мальчиком в экранизации приключений Гэлбрайта, инспектор объяснил себе тем, что смерть маленькой девочки — даже если бы смерть как таковая осталась бы за кадром — вызвала бы шквал возмущенных писем от женщин с оскорбленными материнскими чувствами, чего любая студия, разумеется, ни за что бы не допустила и постаралась бы избежать любыми средствами. Впрочем, изменение пола центрального персонажа могло бы произойти, если бы создатели фильма решили сохранить сюжет фильма, в котором герой — которого, как считал Гэлбрайт, определенно сыграл бы Бельмондо — должен был начать расследование убийства ребёнка.

Но в том случае, если эти плуты-кинематографисты решат, что фильм должен стать

мелодрамой — а что, тогда можно будет сэкономить на спецэффектах, плюс не нужно будет напрягаться с актером-ребёнком, — то в таком случае роль Делии могли бы отдать какой-нибудь немолодой, но хорошо сохранившейся актрисе, а весь сюжет перепишут стандартным голливудским способом, который предполагает обязательную, хотя и совершенно неоправданную любовную сцену между героем и героиней (обычно заканчивающуюся затуханием в первых десяти кадрах).

В подобном развитии ситуации весь сюжет переделали бы до неузнаваемости, сведя всю историю к банальному детективу, где весь хронометраж доктор Бэйзлард — молодой и симпатичный гинеколог, а ещё лучше простой стоматолог — будет выступать в роли очередного подозреваемого, которого Бельмондо в развязке с надлежащим пафосом убьёт парой выстрелов из полицейского кольта. И в фильме не будет ни единого слова о смерти Делии от рака — точнее, от попытки вылечить её от очень похожего на него заболевания — ведь персонаж с её именем, которого сыграет взрослая актриса, будет жить до самого конца и в финальных кадрах соединит свои губы с губами Бельмондо под слащавую мелодию, исполняемую симфоническим оркестром — поскольку мода на синтезаторную музыку осталась в восьмидесятих.

С изменением возраста Делии проблема с попытками адаптировать Джордана Тёрлоу для экрана сразу снимется — ведь это весьма сложный человек с сомнительными моральными качествами, который плюс ко всему был настолько неоднозначен, что его история в лучшем случае вызвала бы у зрителей отторжение, а в худшем — резкую критику в адрес режиссёра, которого начнут обвинять в якобы потакании педофилам, хотя на самом деле это было совершенно не так. Ну, или, подумал Гэлбрайт, Джо тоже сменят пол, и в сюжете появится какая-нибудь дурочка с его именем, которая будет бороться с Делией за сердце привлекательного главного героя и бросать на того томные взгляды, сопровождаемые странной улыбкой.

Хотя нет, решил инспектор, создатели фильма скорее всего пойдут по более лёгкому пути, и в таком случае мистер — или же миссис — Тёрлоу просто исчез бы из сюжета, ибо лишний сюжетный акцент в фильме был бы не нужен — ведь зачем тратить лишние деньги на приглашение актёра на незначительную роль, если можно просто ограничиться короткой фразой из уст Бельмондо, по которой зрители поймут, что у его героя были в прошлом мимолетные отношения с дочерью некоего журналиста, а появление в его жизни Делии в итоге пробудило в нём давно угасший интерес к женскому полу — это не только удешевит производство фильма, но плюс ко всему подобная деталь весьма придётся по вкусу одиноким холостякам за сорок, которые ходят в кино, чтобы там ассоциировать себя с мужественными главными героями, которые щелчком пальца кладут к своим ногам весь женский актерский состав киноленты...

— Теперь вы можете идти домой, — внезапно раздался голос специалиста.

Инспектор вздрогнул, когда седовласый положил руку ему на плечо, отвлекая его этим от мыслей о возможной экранизации его приключений.

— Ну наконец-то, — ухмыльнулся Гэлбрайт, вытирая пот со лба, — а то я уже грешным делом решил, что буду торчать здесь до конца своих дней.

И они вчетвером направились вперёд — седовласый впереди, братья Окамура за ним и в самом конце сам Гэлбрайт. Ему снова пришлось долго тащиться по узким металлическим коридорам подземного института, то и дело уступая дорогу случайным сотрудникам, которые попадались ему на пути. Казалось, проникновение в сны компьютера подействовало на инспектора

подобно сеансу психотерапии — потому что теперь его больше не беспокоила клаустрофобия, и он чувствовал себя свободно и уверенно.

Наконец они остановились в холле, где в это время уже никого не было. Седовласый прошёл вперед и нажал на кнопку вызова лифта.

— Что, теперь вы позволите мне подняться наверх по-человечески? — Гэлбрайт всё ещё помнил фразу седовласого о лифтах.

— Теперь нет необходимости подниматься по винтовой лестнице, — ответил специалист, не заметив упрёка в словах полицейского.

— Мы вызвали для вас такси, — обратился Шинода к гостю.

— Когда вы достигнете поверхности земли, вам придется немного подождать машину, потому что институт находится далеко от города, — предупредил Ичиносе.

— Что ж, спасибо вам... — Гэлбрайт слегка поколебался, подыскивая слова. — Друзья! — в итоге выпалил он, после чего пожал руки обоим братьям Окамура.

— Да, кстати, — седовласый, стоявший у лифта, снова поднял палец, — в помещении мы заранее повесили шубу на вешалку.

— О чем вы говорите? — не понял его слов инспектор.

— На улице зима, а вы легко одеты, — специалист посмотрел на Гэлбрайта с теплотой, нетипичной для такого пожилого человека.

— Хорошо, — полицейский слегка кивнул.

Массивные двери лифта медленно открылись, и сердце Гэлбрайта внезапно упало — ему показалось, что от этой поездки будет зависеть вся его дальнейшая судьба. Бросив последний взгляд на седовласого и братьев Окамура, он шагнул в открывшуюся перед ним кабину лифта, после чего двери за ним закрылись. Инспектор так долго ждал момента, когда он наконец-то сможет покинуть этот институт, но теперь, когда он уже ехал в лифте, ему ни с того ни с сего стало не по себе, потому что всё происходящее было похоже на какой-то странный сон. Кроме того, он испытывал почти суеверный страх, что лифт может застрять между этажами.

Но вскоре кабина лифта остановила своё движение, и когда его двери открылись, Гэлбрайт вышел в ту же комнату, где его встречали специалист вместе с Манабу. Пройдя несколько шагов вперёд, полицейский заметил, что на вешалке больше не было ни одного белого халата, зато там висела обещанная седовласым меховая шуба, в которую Гэлбрайт немедленно облачился. Одежда пришлась ему впору, за исключением, может быть, того, что рукава шубы были немного коротковаты. Интересно, подумал он, кому принадлежала эта шуба — седовласому или одному из тех японцев? Во всяком случае, это не сильно беспокоило инспектора, который, пройдя через двойные деревянные двери, оказался на улице. Была ночь, снег шёл не переставая. Инспектор вздрогнул от холода и поднял голову вверх. Вдохнув холодный воздух, Гэлбрайт пришёл в себя и, оглядевшись, увидел впереди огни приближавшейся к нему машины. Сомнений быть не могло — японцы сдержали свое обещание.

Гэлбрайт неожиданно для самого себя вдруг почувствовал такой прилив сил, что ему вдруг захотелось петь, и он, медленно шагнув вперёд, начал перебирать в уме песни, запавшие ему в

душу. Он вспомнил, как ещё в Портленде смотрел в нелегальном кинотеатре немецкий фильм, в финальных титрах которого звучала песня, которую он тогда запомнил из-за того, что она была на английском языке. Засунув руки в карманы шубы, Гэлбрайт начал напевать её слова.

— Lonely presence, damaged the work, You can't, oh... — он запнулся. — Everything the God...

Инспектор очень быстро отказался от этого дела, поняв, что не помнит точных слов этой песни. По крайней мере он знал о том, что в ней пелось о человеке, который выступал в роли Господа Бога, и пытался построить новый мир. Как бы то ни было, мелодия этой песни, которая, как помнил инспектор, исполнялась на фортепиано, навсегда осталась в его памяти, и поэтому Гэлбрайт, отказавшись от попыток спеть песню, просто прокручивал её мелодию в своей голове, наблюдая за приближающимися огнями машины...

Абсолютная пустота.

<http://tl.rulate.ru/book/102483/3539647>